

«ПРАВОСУДИЕ» И «МИЛОСТЬ» В ПОЭЗИИ Державина

Тема «правосудия» — одна из центральных в творчестве Державина. И это вполне понятно, так как именно названная тема особенно тесно связывала, объединяла творчество поэта и его государственную деятельность. В стихотворении «Осень» (предположительно датированном 1804 г.), Державин писал:

Я дни мнил Астреи, мир и покой
Ввеств в распрей вертеп; и с чистой душой
Благ всем желал.¹

В «Объяснениях» к своим сочинениям поэт так прокомментировал эти строки: «Автор говорит про себя, что, будучи генерал-прокурором, хотел ввести правосудие, желая общих благ» (3, 696).

Постоянно размышляя о сущности правосудия, Державин неоднократно обращался к тексту Псалтири. Здесь он находил созвучные ему идеи, получавшие затем в его стихах новую интерпретацию. Характерный пример — знаменитое переложение 81-го псалма «Властителям и судиям» (1780), которое обычно интерпретируется, и не без основания, как обличение «земных богов», т. е. царей.² Между тем стихотворение имеет и более широкий смысл, отражая нравственные искания Державина, продолжавшиеся на протяжении всей его жизни.

Сопоставление текста стихотворения, точнее разных его редакций и вариантов, с текстом Библии обнаруживает существенные расхождения, что отчасти было уже отмечено исследователями. Обратим внимание на заключительные строки 81-го псалма: «Воскресни, Боже, суди земли, яко ты наследовалши во всех языцех».

Другие русские поэты XVIII века, обращавшиеся к этому же псалму, стремились более или менее точно передать библейский текст. Так, в переложении В. И. Майкова, осуществленном не позднее 1773 г., соответствующие строки звучали так:

Боже, сие внемли,
Сколь неправды в нас велики
Воскресни, суди земли
И наследуй меж языки³

¹ Сочинения Г. Р. Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота СПб, 1865 Т. 2. С. 556 В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы

² См. *Lehmann U G R Derzavins Paraphrase des 81 Psalms «Властителям и судиям» Zum 150 Todestag des Dichters // Zeitschrift für Slawistik 1960 Bd XI N 4. S 550—553*

³ Сочинения и переводы В. И. Майкова СПб, 1867 С. 8

Державин уже в первоначальной редакции стихотворения акцентировал мотив борьбы со «злыми»

Итак, коль истины не стало,
И правды в свете нет нигде,
Исторгни, Творец, неправды жало,
Приди и царствуй сам везде (1, 110)

В окончательной редакции строфа была переработана коренным образом. Вместо достаточно абстрактного призыва «исторгнуть неправды жало» появились замечательные страстные строки

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли! (1, 113)

С удивительной силой здесь зазвучала тема возмездия: вышший судья должен не только защищать слабых и невинных, но и наказывать, карать обидчиков (в соответствующем библейском тексте о каре не говорилось). В то же время Державин, воспитанный на христианской этике, последовательно развивает систему образов, связанных с представлением о Страшном суде. Люди делятся на «правых» — «праведников» и «лукавых» — «грешников»; первым суждена Божеская милость и благодать, вторым — адские муки.

К этой теме поэт продолжает обращаться на протяжении всего последующего творчества. Характерно, в частности, стихотворение «Правосудие» (подражание Архилоху, переведенное с немецкого в 1796 или 1797 г.).

Нет! знай, что Правосудья око,
Хоть бодрствует меж звезд высоко,
Но от небес и в бездны зрит
Тех милует, а тех казнит
И здесь, в сей жизни скоротечной,
И там, и там, по смерти, в вечной

Нет, стой! Есть Бог, есть Вседержитель,
Живых и мертвых есть судья
Есть наших тайных дел ценитель

Он счастье, славу дням твоим
И продолжение дарует
Страшись, когда вознегодует! (2, 116—117)

Но еще в стихах 1780-х годов, обращенных к «земным богам», вершившим судьбы людей, Державин чаще всего подчеркивал их незлобие, снисходительность, стремление воспитать подданных собственным благородным примером. В знаменитой «Фелице» (1783) императрица предстает как «ангел кроткий, ангел мирный», который «проступки снисхождением правит», «шутам, трусам, неблагодарным / И праведным свой свет дарит» (1, 146). Славя Г. А. Потемкина под именем Ре-

шемысла («Решемыслу», 1783), Державин опять-таки подчеркивает его добродушие:

Он в сердце злобы не имел
И даже мухи не обидит (1, 174)

Развивая тему царской или боярской милости, Державин следовал традиции русской одической поэзии: как и Ломоносов, поэт в комплиментарной форме предлагал государям свою программу, поучал, давал советы. Несколько позднее к этой же традиции обратится и Карамзин, который в стихотворении «К Милости» (1792) смело выступит в защиту подвергнутых в это время репрессиям своих друзей — Новикова и членов его кружка. Это стихотворение явилось выражением политической и общественной философии эпохи.⁴

Для Державина, однако, понятие «милость» не стало синонимом слова «всепрощение». Мысль о воздаянии и за добро, и за зло постоянно занимала его. Об этом свидетельствует, в частности, обращение поэта к тексту 100-го псалма «Милость и суд воспою тебе, Господи...» — стихотворение «Праведный судия» (1789):

Я милость воспою и суд
И возглашу хвалу я Богу,
Законы, поученье, труд,
Премудрость, добродетель строго
И непорочность возлюблю

Моей трапезой угошу
Правдивых, честных, благодетельных,
К благим и добрым буду добр

И где со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы,
Отсюду мною изженутся
В дальнейшие земны концы,
Иль казнь повергнет их во гроб (1, 265—267)

Соответствующий псалом завершается такими словами: «Во утрия избивах вся грешныя земли. Еже потребити от града Господня вся делающая беззакония». У Державина грешники не только подвергаются суровому наказанию, но осуждаются на казнь, лишаются жизни («казнь повергнет их во гроб»).

Стимулом для дальнейших размышлений Державина о «милости» и «правосудии» оказался весьма интересный эпизод, связанный с историей текста оды «На взятие Измаила» (1790 или 1791). Стихотворение неоднократно перерабатывалось, свои поправки вносили в него Н. А. Львов, В. В. Капнист, И. И. Дмитриев. Многие из предложенного ими Державин не

⁴ См. Cross A G N M Karamzin A Study of His Literary Career (1783—1803) London and Amsterdam, 1971 P 61

принял; тем интереснее и значительнее те случаи, когда он согласился с правкой В строке «и милостью сердца пленить» Львов заменил слово «милостью» словом «правотой», сопроводив это весьма любопытным рассуждением: «Ломоносов показал дорогу везде просить милости. Я не считаю это ни благородным подвигом, ни красным словом, да и в моральном смысле не представляется мне милость иначе как простить преступление, и если милость без заслуги, то она, поверь мне, что наказание невинному, угнетение общее, если же милость кто по заслуге получал, то она уже не милость, и слово сие уменьшало бы достоинство действия, тогда бы была она только справедливость и для того я написал правота» (1, 359).⁵ Очевидно, рассуждение Львова показалось Державину убедительным, так как в последующих изданиях строка стала печататься:

И правотой сердца пленить

В 1790-е годы поэт неоднократно возвращался к теме правосудия, продолжая говорить о необходимости возмездия за зло. Благодатным материалом по-прежнему служил текст Псалтири. Перелагая 74-й псалом (стихотворение «Радость о правосудии», 1794), Державин вслед за текстом псалма повторил свой излюбленный мотив:

Неправых выя да согнется,
А правых вознесетя гор!¹ (1, 597)

В то же время, как и в других случаях, Державин по-своему интерпретировал библейский текст, свободно варьируя и дополняя его. В стихотворении есть строки, не находящие соответствия в 74-м псалме:

Нет человека без порока,
Без слабостей и без страстей (1, 596)

Очевидно, поэт придавал большое значение этой теме: вариантом первой из приведенных строк были слова «Нет в мире беспорочных»,⁶ также не имевшие аналогии в тексте 74-го псалма, однако перефразирующие известное библейское выражение из 115-го псалма: «Всякий человек есть ложь»

Это изречение Державин использовал уже в «Фелице» (1783):

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь (1, 139)

⁵ Текст сверен и уточнен по рукописи. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, ф 247, т 1, л 87

⁶ Ильинский Л. К. Из рукописных текстов Г. Р. Державина // Известия Отделения русского языка и словесности 1917 Т. 22 Кн. I С. 306

К этому же изречению Державин обратился спустя еще несколько лет в своих «Примечаниях» (1805) к стихотворению «Похвала за правосудие» (1798), написанному по просьбе генерал-аудитора князя Ивана Андреевича Шаховского, который хотел, чтобы поэт прославил его как справедливого судью. Державин оказался в довольно затруднительном положении. В «Примечаниях» он так излагал историю создания стихотворения: «Князь И. А. Ш., будучи генерал-аудитором, неоднократно и неотступно просил, чтобы автор написал ему похвалу за правосудие его в главном кригзрехте, а как многия тогда по гневу императора осуждались в ссылку не токмо без справок, но и без ответов, то и не мог он ему написать истинной хвалы, а похвалил иронией, сказав, что он уже и тем счастлив, что ежели без угрызения своей совести исполнял только волю государя, и что никто из человеков не может требовать похвалы за правосудие, которое принадлежит, по строгому смыслу, единому сердцеведу — Богу, ибо всякой человек есть ложь».⁷

Позднее, составляя на основе «Примечаний» «Объяснения к своим стихам» (1809), Державин существенно переработал этот текст, заменив заключительную сентенцию словами: «.. несправедливо было сделать совершенную похвалу за такое неосновательное правосудие» (3, 66). Державину важно было определить свою собственную позицию: он не желал кривить душой, восхваляя «судью неправедного», но все-таки не мог отказать влиятельному Шаховскому. Вполне понятно, как трудно шла работа над этим стихотворением, что и подтверждается черновыми рукописями.

В первоначальном варианте, рисуя идеальный образ неподкупного служителя истины, поэт завершил стихотворение достаточно резкими строками:

Не ты ль то, князь? — Ах, нет! — я чести
Отдать тебе страшуся сей,
Хула для мудрых — голос лести
Доволен правдой будь моей
Благоволит тебе коль Павел
И совесть у тебя чиста,
Держися их всегда ты правил
Вот честь; моя ж хвала — мечта (2, 174)

Такая концовка, конечно, могла задеть Шаховского, и Державин, продолжая работать на текст стихотворения, существенно смягчил ее. В окончательном тексте идеальный нелицеприятный судья не противопоставляется Шаховскому, но предстает как пример для подражания:

---

⁷ Примечания на сочинения Державина / Публикация Е. Н. Кононко // Вопросы русской литературы Респ. межвед. науч. сб. Львов, 1975. Вып. 1 (25). С. 114 (Черновицкий гос. ун-т)

Так, князь! держись и ты сих правил,
И верь, что похвала — мечта
Счастлив, коль отличает Павел
И совесть у тебя чиста! (2, 175)

При внимательном чтении можно заметить, что стихотворение «Похвала за правосудие» представляет собой чрезвычайно интересную параллель знаменитому переложению 81-го псалма «Властителям и судиям». Обнаруживаются тематические и даже фразеологические повторы:

Властителям и судиям
Ваш долг есть сохранять законы,
На лица сильных не взирать
(1, 111)

Похвала за правосудие
Кто думает на лица сильных
Не зреть, и на мольбы друзей?
< > Соблюл законов строгий долг
(2, 173—174)

Но при всей близости этих стихотворений они существенно различаются по своей направленности. Ода «Властителям и судиям» имеет ярко выраженный обличительный характер. Известно, сколько сложностей возникло при ее опубликовании; позднее, в 1796 году, Державину пришлось опровергать обвинения в якобинстве и доказывать, что «проповедь Священного писания в прямом разуме и с добрым намерением нигде и никогда не была опасна» (1, 115). В стихотворении «Похвала за правосудие» на первый план выступает иная тема: неосуществимость высоких нравственных идеалов: если не пороки, то слабости, присущие всякому человеку, не позволяют в реальной жизни осуществить пример безупречного служения истине.

Искусно отказав царедворцу в похвале, которую тот хотел от него услышать, Державин отстаивал свою творческую независимость. Одновременно здесь возникала исключительно важная для него проблема — ложь поэтического слова и ответственность за нее поэта. Эта проблема постоянно волновала Державина. «Фелица» принесла ему не только славу, но и огорчения из-за толков, возникших после того, как ее певец был щедро награжден государыней. В стихотворении «Видение мурзы» поэт отвечал своим обвинителям:

Но пусть им здесь докажет Муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю (1, 167)

Подобные поэтические декларации приобретали особый смысл на фоне расцвета «сервильной морали» литераторов XVIII века⁸

⁸ См. Западов В. А. Проблема литературного сервизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 56—75.

Следуя традиции Ломоносова, Державин стремился панегирик соединить с поучением, что и проявилось в стихотворении «Похвала за правосудие». Необходимость поддерживать зыбкое равновесие программных и хвалебных элементов, несомненно, тяготила Державина. Требование «нравственной безукоризненности» постоянно тревожило его: он стремился к ней на протяжении всей своей деятельности и одновременно ощущал неосуществимость этого требования. Стихотворение «Властителям и судиям» явилось одним из наиболее ярких проявлений бескомпромиссной позиции поэта. В стихотворении «Похвала за правосудие» нашло отражение иное — горькое сознание неизбежности отступлений и уступок. «Похвала иронией» должна была иметь вид «истинной хвалы» и, по крайней мере, не вызвать неудовольствия влиятельного вельможи.

Тем не менее поэту всегда оставался чуждым нравственный релятивизм, представление о добре — истине и зле — лжи было для него главной мерой вещей, мерой, с которой он подходил к оценке как деяний, так и слов, к оценке собственного поэтического творчества. Сам поэт становился нелицеприятным судьей, воздающим «истинную хвалу» за добрые дела и осуждающим порок.